

Давид Самойлов

Избранное: стихотворения и поэмы (фрагмент)

Осень сорок первого

Октябрь бульвары дарит рублем...
Слушки в подворотнях, что немцы под Вязьмой,
И радио марши играет, как в праздник,
И осень стомачтовым кораблем
Несется навстречу беде, раскинув
Деревьев просторные паруса.
И холодно ротам. И губы стынут.
И однообразно звучат голоса.
В тот день начиналась эпоха плаката
С безжалостной правдой: убей и умри!
Философ был натуго в скатку закатан,
В котомке похрустывали сухари.
В тот день начиналась эпоха солдата
И шли пехотинцы куда-то, куда-то,
К заставам, к окраинам с самой зари.
Казалось, что Кремль воспарил над Москвой,
Как остров летучий,— в просторе, в свеченье.
И сухо вышагивали по мостовой
Отряды народного ополченья.
И кто-то сказал: «Неужели сдадим?»
И снова привиделось, как на экране,—
Полет корабельный, и город, и дым
Осеннего дня, паровозов, окраин.
И было так трудно и так хорошо
Шагать патрулям по притихшим бульварам.
И кто-то ответил, что будет недаром
Слезами и кровью наш век орошен.
И сызнова подвиг нас мучил, как жажда,
И снова из бронзы чеканил закат
Солдат, революционеров и граждан
В преддверье октябрьских баррикад.

Мальчики уходят на войну...

Мальчики уходят на войну,
Возвращаются с войны – мужчины.
Девочками были в ту весну,
А теперь на лбу у них – морщины.
Смотрят друг на друга, узнают,
Бродят вместе, рук не разнимая.
Соловьи вот только не поют,
И любовь у них уже другая.
Видно, мало – памяти сердец,
Знают оба – жить им врозь отныне.
Там начало было, здесь – конец,
А война была посередине.

Около 1961

Сороковые

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.

Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, веселый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю.

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

1961

Слово о Богородице и русских солдатах

За тучами летучими,
За горами горбатыми
Плачет Богородица
Над русскими солдатами.
Плачет-заливается за тучкою серой:
«Не служат мне солдаты правдой и верой».
Скажет она слово —
лист золотится;
слезу уронит —
звезда закатится.
Чует осень долгую перелетная птица.
Стояли два солдата на посту придорожном,
ветром покрыты, дождем огорожены.
Ни сухарика в сумке, ни махорки в кисете —
голодно солдатам, холодно им на свете.
Взяла их Богородица за белые —
нет! —
за черные руки;
в рай повела, чтоб не ведали муки.
Привела их к раю, дверь отворила,
хлеба отрезала, щей наварила;

мол, – ешьте, православные, кушайте досыта,
хватит в раю
живности и жита.
Хватит вам, солдатам, на земле тужити,
не любо ль вам, солдатам, мне послужити.
Съели солдаты хлеба по три пайки.
Жарко стало – скинули «куфайки».
Закурили по толстой.
Огляделись в раю.
Стоит белая хата на самом краю.
И святые угодники меж облаками
пашут райскую ниву быками,
сушат на яблонях звездные сети...
Подумал первый солдат
и ответил:
«Век бы пробить, Мати, с тобою,
но дума одна не дает покою, —
ну как, Богородица,
пречистая голубица,
бабе одной с пятерыми пробиться! —
Избу подправить, заработать хлеба...
Отпусти ты меня, Пречистая, с неба».
И ответил другой солдат —
Тишка:
«Нам ружьишки – братишки,
Сабли востры – родные сестры.
И не надо, Богородица, не надо мне раю,
когда за родину на Руси помираю».
Не сказала ни слова, пригорюнилась
Пречистая.
И опять дорога.
Опять поле чистое.
Идут солдаты страной непогожею.
И лежит вокруг осень
мокрой рогожею.

1942–1943

О солдатской любви

Стоят у околицы женщины
И смотрят в осеннюю стынь.
Из Киевщины в Смоленщину,
Из Гомельщины на Волынь
Мянутся солдатские тысячи.
Любовь и для них отыщется,
Но горькая, как полынь...
В наградах и ранах —
Штык да сума —
В шинелишке драной
Он входит в дома.
И славная баба
Безоговорочно
Признает хозяином
Запах махорочный.
— Быть может, и мой так по свету
скитается! —
Подумает бедная и запечалится.
...Озябшие птицы кричат на ветле,
Туманы заколобродили.
И мнится солдату: он снова в тепле,
Он — дома, он снова на родине.
Он снова в уютном и теплом
Дому,
где живет постоянство...
А там,
за темными стеклами, —
Неприбранное пространство.
А там,
за темными стеклами, —
Россия
с войною,
с бедою;
И трупы с слепыми глазами,
Залитыми водою;
И мельницы,
как пугала,

Закутанные в рогожи,
И где-то родимый угол,
И дом почти такой же.
И там – почти такой же —
Солдат,
усталый и черный,
Лежит с твоею бабой,
Податливой и покорной...
Я душу с тоски разую.
Закрою покрепче двери,
Чтоб мучить тебя, чужую,
За то, что своей не верю,
За то, что сто лет не бачил,
Какая ты нынче стала,
За то, что холод собачий
И дождь, и вороньи стаи,
И псы цепные брешут,
В ночи чужого чуя,
И реже все,
и реже
Над нами сны кочуют!..
И нет, не бредить снами,
Покуда беды дуют
И вся Россия с нами
Во весь простор бедует!

1944

Как смеют женщину ругать...

Как смеют женщину ругать
За то, что грязного солдата
Она к себе пустила в хату,
Дала попить, дала пожрать,
Его согрела и умыла,
И спать с собою положила
Его на мужнину кровать?
Не потому, что ты хорош,
А потому, что сир и жалок,
Она отдаст последний грош

И свой последний полушалок
За синеватый самогон,
Чтоб ты не в такт тоске-баяну
Стонать полы заставил спьяну,
Стуча зубастым сапогом.
О, ей не нужен твой обман,
Когда ты лжешь, напившись вдосыть:
Любви не ждет, писать не просит.
Уже звучат слова команд,
И ветер издали доносит
Лихую песню сквозь туман.
А после, на ночном привале,
Тоску сердечную скрывая,
Бахвалясь перед дураком,
Кисет с дареным табаком
Достанешь ты из шинелюхи
И, рыжеватый ус крутя,
Промолвишь, будто бы шутя:
– Да что там бабы...
Бабы – шлюхи!..
Прости, солдат, мой грубый стих.
Он мне напомнил те минуты,
Когда супротив нас двоих
Ломились немцы на редуты.
И пулемета злая дрожь
Тогда спасала нас от страха,
И ты, на бинт порвав рубаху,
Был не по-здешнему хорош.
И если нас с тобой, солдат,
Потомки будут видеть чище —
Неверность женщине простят,
Но за неблагодарность взыщут.

1944

Прощание («Я вновь покинул Третий Рим...»)

Я вновь покинул Третий Рим,
Где ложь рядилась в ризы дружбы,
Где грубый театральный грим
Скрывать нет поводов и нужды.
А я готов был метров со ста
Лететь, как мошка на огонь,
Как только Каменного моста
Почуял плиты под ногой.
Здесь так живут, презрев терновники
Железных войн и революций —

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
- в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.

Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.